

Посвящается моим бабушкам
Нелли и Пегги

с благодарностью за истории,
которые они мне рассказывали
и продолжают рассказывать.

Порой, когда поднимается сильный ветер,
мертвые поют.

ПРОГУЛКА

Я шагаю вперед
Подальше от
Океанского когтя точеного
Солнце в Западном Корке
Бьет в заржавленный глаз
Я сижу на крючке
Меня тянут на берег
И бьют
Бьют наотмашь о камни

Дрожащая белая кожа
Комком на когтистом полу

Я боюсь обернуться
И обнаружить
Лишь себя,
Море
И ветер

Эндрю Годсел
(1971–2003)

ПРОЛОГ

Сегодня я хочу рассказать историю, которая много лет лежала под спудом и, как я искренне надеялся, должна была остаться там на веки вечные. Но обстоятельства последних нескольких часов вновь обнажили события прошлого, и я не могу больше делать вид, что ничего тогда не видел.

Такова моя правда, такова история, какой я ее помню. Я по меньшей мере хочу, чтобы она стала моей исповедью. Нет, не только хочу. Я в этом нуждаюсь. Даже теперь я неосознанно цепляюсь за возможность того, что в этой истории проявится какая-нибудь важная, но оставшаяся до сих пор незамеченной подробность, что в кромешной тьме обеща-

нием избавления мелькнет едва заметная искра, деталь, которую я когда-то неправильно понял или проглядел. Бог, надежда, что-то в этом роде. Логика, которой стоит держаться наперекор любым противоречиям. Потому что, как все мы знаем, время способно размывать факты. Но что, если оно же способно их прояснять? Теперь, когда на кону стоит столь многое, мне остается только надеяться, что я не упустил подходящий момент, так долго храня молчание.

А если окажется, что я заблуждаюсь, что открытýй разговор ничего не изменит, тогда, прошу, скажите честно, разве у меня есть выбор? Надежда на лучшее, даже перед лицом худшего, — это то, что лежит в основе нашей жизни. Разве не поэтому многие из нас молятся?

Полагаю, в конечном приближении вся эта история держится на единственном насущном вопросе:

Верите ли вы в существование привидений?

Потому что именно с этого все начинается — с веры. Порой мы замечаем или испытываем нечто, не поддающееся

объяснению, и либо можем признать, что стали свидетелями смещения границ реальности, либо выбираем отвернуться. Этот вопрос мучает даже философов: *верите ли вы?* Мозг строит для нас мир, чертит линию — что приемлемо в качестве правды, а что нет. Нам привычно подвергать сомнению реальность сверхъестественного, в нас воспитывают веру в то, что в мире нет ничего, кроме видного на поверхности. Мало чему в жизни, какой мы ее знаем, нельзя найти простого научного объяснения. И все же, когда завывает ветер, мы оказываемся в одиночестве и только желтое дрожащее пламя свечи отделяет нас от кромешной тьмы, наши инстинкты, а может быть, внутренняя потребность испытать нечто запредельное и находящееся за гранью возможного, кричат об обратном.

Как я уже сказал, с этого все начинается. С веры. Я стал свидетелем необъяснимого, и, если быть до конца честным, даже теперь, после всего, что произошло и, кажется, продолжает происходить, где-то в глубине души я сомневаюсь. Налет

скептицизма оттирается так же трудно, как и искренней веры. Что я знаю точно, по крайней мере для меня иначе и быть не может, так это то, что события прошлого не остаются в прошлом. Мертвые отказываются уходить на покой, они не хотят даже тихо лежать в земле. И поймите, я не прошу вас поверить. Я прошу только, чтобы вы уделили мне время и обдумали этот вопрос, а также выслушали меня непредвзято. Ведь мне необходимо с кем-нибудь поделиться.

ЧАСТЬ I

Меня зовут Майкл Симмонс. Я женат на женщине по имени Элисон, и у нас есть дочь, семилетняя Ханна, на которую мы с женой нарадоваться не можем. Мы живем на Корнуолльском побережье, возле деревушки под названием Саутвелл. Наш дом располагается в полутора милях от нее. Это скромное, но более чем достаточное для нашей семьи каменное строение с акром прилегающей земли, которая отделена от остального мира лесом и выходит к морю. Дом дарит нам иллюзию уединения, но в то же время находится в пределах слышимости колокольного звона. Идеальный компромисс. К тому же при всем старании нам не удалось бы

найти более красивого места для жизни, чем Саутвелл, уютно раскинувшийся в холмистой местности, известный своими крутыми улочками и переулками и окруженный бескрайними зелеными просторами. Для детей ничего лучше не найти. Даже в сырые зимние дни он сохраняет свою особую красоту. Воздух здесь чист, мы гуляем вдоль обрывов, а в летние месяцы плаваем и ищем на пляжах янтарь. Машины ездят по узким дорогам с особой осторожностью, и все знают друг друга по имени.

Сейчас я на пенсии, куда меня отправили раньше срока из-за небольших проблем со здоровьем: сердечный приступ, но я отделался легким испугом. Наша семья живет в достатке, не приближаясь к границе настоящего богатства. Сфера изящных искусств приносила мне довольно неплохой заработок. Я отдал этому бизнесу почти двадцать лет жизни: сначала служил в агентстве, позже, когда заработал себе имя и собрал достаточное число контактов, продолжил в качестве арт-дилера на фрилансе. Я представлял небольшую, однако не то чтобы незна-

чительную группу талантливых деятелей искусства, в основном художников, но и скульпторов тоже, среди них был даже один практически известный концептуальный художник из Литвы. И все же я совсем не скучаю по бумажной волоките и в целом считаю, что жизнь бездельника идеально мне подходит, хотя время от времени меня тянет вернуться к работе, когда на кону стоят хорошие деньги или я чувствую себя обязанным взяться за дело. Я выступаю необходимым посредником: чаще всего пишу письмо или одним телефонным звонком знакомя кого-нибудь из моих прежних клиентов с художником, связь с которым еще не успела прерваться.

Так мы и перебиваемся за счет накоплений, пенсии и этого нестабильного дополнительного дохода.

Мы с Элисон познакомились в довольно зрелую пору жизни. Мой возраст приближался к сорока, она была года на три моложе. Одиночество в ту пору приносило нам обоим своего рода неприятное удовлетворение. Я, как и многие холостяки среднего возраста, успел

смириться с тем, что любовь — или нечто хоть отдаленно ее напоминающее — обошла меня стороной. Эли была когда-то замужем, но неудачно. Такое случается. Сближение стало сюрпризом для нас обоих. Наверное, наше счастье могло бы быть более полным, но живем мы и правда хорошо.

Элисон родом из Ирландии, что добавляет нашему существованию особый колорит. Она родилась в небольшом местечке в графстве Уиклоу, милях в двадцати от Дублина. С тех пор эту деревню полностью поглотила столица и ее стало не узнать, но в прежние годы расстояние в двадцать миль, наверное, ощущалось совсем иначе, и поэтому речь Элисон сохранила странный деревенский акцент, легкое растягивание определенных слов. Иногда она скучает по дому, по природе и сельской местности в целом, по размеренному ритму и плавной жизни, но находит успокоение в том, что мы живем недалеко от мест ее детства и нам удастся летать в Ирландию дважды или трижды в год. Мы снимаем коттедж в Коннемаре или графстве Клэр, ходим по барам, ис-

следуем Буррен или острова. Элисон хочет, чтобы Ханна знала свои корни и чувствовала себя как дома в тех местах. Думаю, это правильно.

Несмотря на то что романтическая связь возникла между нами около девяти лет назад, мы с Элисон были знакомы и раньше. Поскольку мы существовали на периферии одного и того же бизнеса, нам часто приходилось разговаривать по телефону и поддерживать относительно постоянную переписку по электронной почте. Пару раз нам даже доводилось оказываться в одном помещении, на вечеринке или на выставке, так что издали мы уже мельком видели друг друга. Я помню стройную гибкую женщину, которая выглядела лет на пять моложе своего возраста, с черными волосами, убранными наверх, что подчеркивало ее утонченность. Изящная, с бледной кожей, почти эфемерная в определенном свете. От одного взгляда на нее становилось трудно дышать. Элисон владела небольшой галереей в дублинском районе Темпл-Бар: два побеленных этажа, где выставлялись — и прилично продава-

лись — весьма солидные тяжеловесы. В последние несколько лет ее галерея устроила выставку с последующей продажей картин для некоторого количества художников под моей эгидой. Мне нравилось иметь дело с Элисон, потому что она не кривила душой, когда речь заходила о деньгах, что нечасто встретишь в среде арт-дилеров, и потому что она проявляла искреннюю, даже страстную заинтересованность в работах, которые выбирала для своей галереи. Однако больше всего мне нравилось просто с ней разговаривать. Мы всегда чувствовали себя друг с другом легко и непринужденно, и, оглядываясь назад, я могу сказать, что в наших взаимоотношениях и тогда явно ощущался намек на нечто большее. Но в долгом бездействии виноват только я сам. Это я сохранял между нами дистанцию. За моими плечами были отношения, ничего серьезного, но тем не менее они оставили в моем сердце отметины, и, наверное, я боялся выставить себя дураком и разрушить прекрасное чувство, которое потенциально могло между нами возникнуть.